

В Японии лето — пик гастролей советских артистов. Я уже писал о встречах с Майей Плисецкой, Дмитрием Китаенко. На этот раз моя собеседница — Елена Образцова.

— Елена Васильевна, мы с вами увиделись на японской земле, поэтому буквально несколько слов об отношениях, которые сложились у вас с японскими слушателями. Вы ведь не впервые здесь.

— Я очень люблю выступать перед японской публикой, которая буквально внемлет каждому музыкальному мгновению, сопереживает его. Здешние слушатели умеют оценить искусство артиста, и это, конечно же, привлекает художника.

Очень люблю этот народ, прежде всего потому, что он по-настоящему талантлив. Это, в частности, проявляется и в музыкальной сфере. Я поражена тем, сколько много тут сегодня симфонических оркестров высокого класса, как профессионально работают их музыканты. И на этот раз уже на первых репетициях с оркестром Син-Нихон-фиру и Токио-Метрополитан было все точно схвачено, каждый нюанс выверен. А ведь программа объемная — Массне, Сен-Санс, Глинка, Римский-Корсаков, Чайковский, Вагнер, Верди, Бизе...

Привлекает любознательность японцев, их стремление вновь и вновь узнавать, учиться. Ко мне на репетицию пришла бывшая певица, сейчас преподаватель Токийской высшей музыкальной школы Ёко Оосато...

— Я уже успел поговорить с Оосато-сан. Она называет вас не иначе, как «Итибан» — «Певица № 1», считает ваши вокальные данные и трудоспособность феноменальными.

— Мы встретились с ней впервые в прошлом году в США и сразу же подружились, обнявшись, что и мы, русские, и японцы в первую очередь ценим простоту, человечность в отношениях между людьми. Как говорит Ёко-сан, на моих репетициях она учится учить... Мы уже договорились, что я дам открытый урок ее студентам. Безусловно, я не мыслю своих новых рабочих планов без Японии, которую люблю и которой, как мне кажется, тоже люблю.

Для меня еще важно и то, как бережно японцы сохраняют свою культуру — древние храмы, ритуалы, традиционное искусство, ремесла. Наконец, главное — сложившееся не сегодня уважительное внимание друг к другу, вежливость, предупредительность, если хотите — любезность.

Что стремлюсь я передать японцам своим пением? Прежде всего донести до них саму душу нашего народа. Я представляю русскую музыкальную культуру. Культуру великую. Думаю, в наше столь трудное время важен буквально каждый шаг навстречу друг другу. В Син-Нихон-фиру есть и музыканты неапонцы. На первой же репетиции ко мне подошел виолончелист-американец и сказал несколько добрых слов по-русски. Понимаете, он выучил эти слова специально для меня. Вот так и строятся человеческие отношения, так и утверждается взаимное доверие.

Два сольных концерта нашей всемирно известной певицы явились как бы прологом к ее Марине Мишке в гастролях «Большой оперы». Так по аналогии с «Большим балетом» японцы называют оперную труппу ГАБТа. Поэтому следующий вопрос Елене Васильевне — о репертуаре гастрольного турне Большого, которое, будем надеяться, послужит восстановлению традиции встреч нашей оперы с японскими слушателями и зрителями, традиции, прерванной на целых 20 лет.

— Репертуар гастролей определял Большой театр совместно с японскими спонсорами — крупнейшей компанией импресарио «Джапан артс». О «Золотом петушке» ничего

сказать не могу, в этом спектакле не занята. Что же касается «Бориса Годунова», то это замечательное произведение — целый пласт русской культуры, глыба нашего музыкального наследия. «Евгений Онегин», опера-жемчужина, к тому же Чайковский, горячо и преданно любимый японской публикой.

— Очевидно, что столь длительное отсутствие нашей оперы на японской сцене непосредственно связано с теми серьезными проблемами, которые сегодня стоят перед этим видом отечественного музыкального искусства. Как бы вы определили их суть, в чем видите возможности их решения в ближайшем будущем?

— Скажу прямо, вы затронули самое болевое. Начну с того, что абсолютно не признаю понятий «хорошая» и «плохая» оперная школа. Существуют национальные школы — немецкая, итальянская... И отнюдь не все представляющие их исполнители — хорошие певцы. Так что причину, мешающую нашей опере соответствовать той роли, которую исторически предназначено ей играть в развитии мировой музыкальной культуры, следует искать в иной плоскости. Об этом уже много говорилось, но повторю: во-первых, это остаточный принцип в отношении всей сферы культуры; во-вторых, не поддающаяся никакому здравому смыслу беспощадная охота некоторых наших госучреждений — и культурных, и финансовых, и плановых — за поступлением валюты; в-третьих, полное бесправие художника-артиста, творческой личности. Последнее, видимо, наиболее важно, хотя, впрочем, все тут взаимосвязано.

Судите сами: остаточный принцип — отсутствие музыкальных инструментов, концертных залов, оперных театров. Наконец, отсутствие в полном объеме процесса взаимобогащения духовными ценностями, этой мощной системы кровообращения. Ибо у нас нет средств на то, чтобы приглашать для участия в наших спектаклях лучших певцов из других стран. Такая система в мире существует. Но работает она фактически без нас. Меня постоянно приглашают выступать на оперных сценах мира, поэтому я знаю, что есть вещи, без учета которых просто невозможно развиваться, двигаться вперед. По сути мы все больше утрачиваем критерии исполнительского мастерства, отсюда наши постановки порою не просто неудачны — неприличны.

Очевидно, что все вышеперечисленное требует прежде всего валюты. Если государство не может (как в других развитых странах) брать на себя дотацию искусства, то должно хотя бы разрешить наконец использовать те деньги, которые зарабатываем мы сами, буквально изнашивая себя в гастролях за рубежом. Но... я, например, вот уже 25 лет отдаю заработанную валюту государству, не зная, куда она уходит. Если бы у меня было право самой распоряжаться заработанными деньгами, я в первую очередь использовала бы их для приглашения к нам зарубежных певцов, то есть на развитие нашего искусства. Уверена, что именно

так бы поступили и многие мои коллеги. Без обмена опытом в совместной работе, без познания новых критериев мы будем утрачивать завоеванные когда-то, в далеком прошлом позиции. С этой же целью я использовала бы заработанное мною на то, чтобы дать нашей музыкальной молодежи возможность учиться в других странах, а уже сложившимся исполнителям — участвовать в совместных постановках за рубежом.

Когда-то русские музыканты, впрочем, как и писатели, художники, в стремлении приобрести к сокровищам мировой культуры выезжали за границу, подолгу работали там, создавали шедевры и тем самым все выше поднимали престиж культуры отечественной. Не стоит, очевидно, и напоминать,

я заработала государству на такое количество роялей, что их можно было бы выстроить в ряд от Минкульта до ворот Кремля. Сейчас мне аккомпанируют на «Эстонии», которая не держит строй. Впрочем, весь «оркестр» нашей культуры не держит строй...

— Будем надеяться, что перестройка возьмется по-настоящему и за культуру нашего общества...

— Скажу откровенно, что пока у меня серьезные сомнения на сей счет. Конечно, ныне, когда мы вновь признали приоритет общечеловеческих ценностей, можно надеяться, что опера наконец-то обратится к той самой, своей теме — я говорю прежде всего о вечной теме любви. Ведь то, что у нас многие годы пытались сделать, — не опера, а про-

же не упомянуто в связи с 200-летием нашей музыкальной праматери. То же с С. Мессерер. Во время войны танцевала под бомбежками, многие годы несла свет нашего искусства, достижения нашей национальной балетной школы в другие страны, в ту же Японию, где ее помнят, уважают, чтут как создателя японского национального балета. А у нас ее имя даже не упоминается в стенах Большого театра, старые, военных лет афиши исчезли со стен его музея.

А Плисецкая? Ведь это расточительство — предоставить нашу великую балерину чуть ли не в безраздельное пользование испанскому театру. Она крайне необходима своей стране, балерина, на выступление которой невозможно купить билеты. В том числе и здесь, в Японии, где недавно выступал испанский балет, художественным руководителем которого она стала. Она яркая личность в искусстве. Мастер, у которого должно учиться.

Да, молодость проходит. Кому это и знать, как не нам, артистам. Но в цивилизованном обществе это значит, что нас надо особо щадить, оберегать от непомерных нагрузок. Вот перекрыли все пути Владимиру Атлантову, он на грани отчаяния. А все почему? Не выдержал напряжения: бас, в силу своего традиционного амплуа, всегда занят меньше, чем тенор, на которого ложится основная нагрузка в мужских партиях. В прошлом году меня тоже заставили прервать гастроль в Испании, вернуться, чтобы «допеть положенное».

Конечно, я еще держусь: Вишневская недаром говорила, что со мной не так просто сладить, так как я «дитя войны». Действительно, я родилась в Ленинграде. Ребенком перенесла блокаду. Когда приглашающие меня коллеги из разных стран говорят: Елена, у нас ты была бы миллионершей, я не могу это даже слышать, так как в отрыве от Родины не мыслю своей жизни. И все же становится обидно: я не виню тех, кто уезжал из страны в прежние годы, но сейчас перед ними порой откровенно лебезят. Так что же мы, оставшиеся, выходим, просчитались?

Я не преувеличу, если скажу, что в мире на меня существует очередь, многие стремятся привлечь меня к постановкам. А у себя, в Большом, я так и не дождалась бенефиса. И я не одинока, достаточно назвать хотя бы прекрасную певицу Т. Милашкину...

— После сегодняшнего триумфа в Сантори-холл все же разрешите мне, не специалисту, но вашему искреннему поклоннику, выразить надежду на скорейшие существенные изменения в культурной жизни страны. Пусть они помогут вам реализовать в полной мере творческие возможности и планы, а нам позволят как можно чаще приобретаться к прекрасному искусству Елены Образцовой.

— Будем надеяться, а пока... после Японии я вновь возвращаюсь в Испанию, где буду выступать вместе с испанскими и итальянскими певцами в «Медее». Затем Лондон, Стокгольм, Швейцария, Ла Скала... Нагрузки большие, но и удовлетворение огромное. Буду ездить по свету, пока сил хватит.

— И все же встречи с представителями нашего искусства, не говоря уже о резонансе, который вызвало выступление на Съезде академика Лихачева, свидетельствуют о том, что в стране наметились сдвиги, которые должны помочь оркестру нашей культуры «наладить строй».

— Ну что ж, будем оптимистами — и будем работать!

Вл. ДУНАЕВ.
(Соб. корр. АПН — специально для «Советской культуры»).

ТОКИО.

КОГДА «ОРКЕСТР» НЕ ДЕРЖИТ СТРОЙ...

что процесс этот был двусторонний — в России творили многие художники мирового масштаба. Сейчас, когда благодаря начавшимся в нашем обществе преобразованиям сняты многие мешавшие духовному развитию народа запреты, вопрос по-прежнему упирается в валюту. Поэтому первая задача: надо сделать так, чтобы заработанные нами деньги поступали в «банк культуры» — конкретно, в моем примере, случае, — в Большой театр. Тогда бы мы распорядились и гастролями, и приглашениями, и инструментами бы купили прекрасные, и залов бы, и театров понастроили. Что же этому мешает?

Парадокс в том, что в СССР не существует закона, по которому бы полагалось отдавать заработанную валюту государству. Я просила в Госконцерте показать мне соответствующий документ, но его нет. И все мы продолжаем сдавать заработанное потом и кровью, даже не имея возможности отложить, как говорят, на черный день, который к нам, певцам, неизбежно приходит с выходом на пенсию. Это форменное безобразие! Это неуважение к нашему искусству. Это в конечном счете ведет к упадку культуры. Мы — я и мои товарищи — все уже предпенсионного возраста. В мире люди всю жизнь работают, чтобы потом отдохнуть в старости лет. А у нас? Не забуду как ко мне пришел Марис Лиепа. Он разошелся с женой и, будучи джентльменом, оставил ей квартиру. У него не было ничего, кроме пенсии в 120 рублей. И это — лауреат Ленинской премии, величайший танцовщик мира! Он пришел и попросил меня: помоги мне с работой, на 120 рублей я просто не могу жить.

Речь идет по существу о незаконной обираловке, хотя с приходом П. Н. Демичева в Министерство культуры нам позволили оставлять 600 рублей с правом перевода в любую валюту. А знаете, с чего начал новый министр? С инвентаризации: разослал мне, С. Рихтеру, несколько другим артистам, получившим рояли «Стэнзэй» во временное пользование, требование срочно вернуть инструмент. Вопрос с роялем для меня «утрачился» — то есть его у меня, конечно же, забрали. После этого я два месяца не могла петь — нервные спазмы. Дело требует немедленного решения. Нашим выдающимся исполнителям можно и нужно давать лучшие инструменты в пожизненное пользование. За 25 лет

фанация. Опера пишется, конечно же, о любви, о том, что глубоко и вечно трогает человеческую душу, о жизни сердца. Возможно, и такой прекрасный композитор, как Свиридов, всю жизнь ждавший своего либретто, наконец получит его, и тогда, я уверена, у нас появится большое произведение оперного искусства, в котором хоры не будут уступать хорам Мусоргского.

Но... ведь это еще не все. Увы, политику Большого определяют люди в театре, по сути, бесконечно от культуры далекие. Отсюда нередко все подчинено у нас капризам дирижеров-постановщиков, а ведь оперу необходимо ставить для лучших певцов. А у нас в некоторых спектаклях именно лучшие вообще не заняты. Не у дел. И, ненужные у себя дома, уезжают на бесконечные гастроль...

Сейчас много пишут о страшных последствиях монополии в экономике. Но то же самое — в искусстве: театру не нужны «главные», навязывающие свою волю. Сделайте главной меня — и я тоже начну, естественно, навязывать свой вкус, свою волю. Необходимо ломать эти мешающие живой жизни, развитию устаревшие структуры.

Обратимся, наконец, к мировому опыту: в опере, балете, во всех сферах существуют «солисты», то есть ведущие, наиболее яркие творческие личности. Вокруг них формируются группы сподвижников, единомышленников. Такие спянные общей идеей, единым порывом творческие группы и создают произведения искусства, создают именно то, что только и есть настоящее, то, что способно принести удовлетворение художнику, глубоко тронуть душу народа, обогатить культуру общества. Я и мои товарищи-артисты всю свою жизнь боролись за это, но впустую, и, как это ни печально, «переболели», утратили веру, устали душой. Скажу больше: что дома мы, кажется, не нужны даже сейчас, когда мое поколение еще полно творческих сил, накопило огромный профессиональный опыт, казалось бы, готово передавать его вместе с мастерством будущему поколению. Что же будет через каких-нибудь несколько лет...

Мы устали бороться, мы устали от политиканства в искусстве, которое буквально пронизывает все снизу доверху. «Иваны, не помнящие родства». Не так ли у нас в Большом театре?

Галина Вишневская — это эпоха в Большом, а ее имя да-